

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Л. М. Бузинова
г. Москва, Россия

КОНЦЕПТЫ «ДУША» И «СУДЬБА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию когнитивного потенциала языкового знака, участвующего в репрезентации концептов «душа» и «судьба» в языковой культуре русофонии. Актуальность темы исследования определяется стремительным развитием антропоцентризма и когнитивного течения в современной лингвистике, направленного на изучение языковой картины мира, конституируемой вербализованными концептами. Рассматриваются способы словарной, фразеологической, литературной вербализации концептов «душа» и «судьба». Выдвигается предположение, что анализ механизмов антропологической вербализации данных концептов на различных уровнях дискурсной реализации позволит раскрыть дополнительные сущностные характеристики российской концептосферы в этнокультурном аспекте. Материал исследования составили лексические единицы, квалифицированные единым семантическим компонентом, которые были отобраны из лексикографических источников, сопровождаемые в ходе анализа частично примерами их употребления, выделенными сплошной выборкой из текстов оригинальных произведений современной русской художественной литературы. В ходе анализа было определено авторское понимание термина «концепт»; выявлена яркая национально-культурная специфика концептов «душа» и «судьба»; выделены основные характеристики русской этнокультуры, определяющими составляющими которой являются: «эмоциональность», «коммуникабельность», «религиозность», «перцептивность», «определенность – нестабильность». Рассмотренные концепты затрагивают ценностные и культурные ориентации нации, ее религиозные установки, ментальные и поведенческие стереотипы. Результаты исследования говорят о возможности продолжения аналогичных исследований на материале иных концептуальных и лексических разрядов лексики. Полученные результаты могут быть использованы в культурологии, преподавании курсов лексикологии и межкультурной коммуникации современного немецкого языка, при составлении учебно-методических разработок и в исследованиях по теории современного русского языка.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуальные признаки, менталитет, национальный характер, языковая личность.

Информация об авторе: Людмила Михайловна Бузинова — кандидат филологических наук, доцент, Московский Международный университет, Ленинградский проспект, д. 17, 125040 г. Москва, Россия. E-mail: rluda@mail.ru

Дата поступления статьи: 19.01.2018

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Бузинова Л. М. Концепты «душа» и «судьба» в русской лингвокультуре // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 65–72.

Антропологическая переориентация языкознания предполагает исследование языка в непосредственной связи с личностью. Суть такого подхода заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, их назначению в его жизнедеятельности, их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Данный подход коррелирует с когнитивным направлением в лингвистике.

Актуальность темы исследования определяется стремительным развитием антропоцентризма и когнитивного течения в современной лингвистике, направленного на изучение языковой картины мира, конституируемой вербализованными концептами. При обращении к когнитивному подходу изучения лексики принимаются во внимание воззрения М. Минского, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, М. Шварц, Т. ван Дейка, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, А. Е. Кибрика, В. З. Демьянкова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. П. Седых, Ю. С. Степанова и др.

Основное направление исследования — выявление сущностных признаков российской концептосферы на основе репрезентации ключевых национальных концептов. Целевая установка обусловила отбор специальных методов и приемов научного анализа. Научно-методологический аппарат включает специфичные приемы когнитивных исследований, а также методы традиционной лингвистики.

Материал исследования составили лексические единицы, квалифицированные единым семантическим компонентом, которые были отобраны из лексикографических источников, сопровождаемые в ходе анализа частично примерами их употребления, выделенными сплошной выборкой из текстов оригинальных произведений русской художественной литературы.

Чтобы объяснить, как устроен язык и как он используется, необходимо выйти за пределы самой языковой системы и связать ее со всем тем, что мы знаем о восприятии, о памяти, о поведении человека и т. д. Оставаясь внутри этой системы, мы не можем объяснить некоторые формальные связи слов, звуковые законы и т. п. Преимущество когнитивного подхода к языковым явлениям состоит в том, что он не только расширяет наши знания о законах мышления, выявляет механизмы обработки поступающей в мозг информации и типовые структуры хранения полученных знаний, но и определяет способы отражения объективной действительности. Рассматривая с точки зрения репрезентативной функции соотношения между миром и его отражением в сознании и языке, можно полагать, что языковой мир есть репрезентант концептуального мира, который в свою очередь репрезентирует реальный объективный мир.

Основной формой репрезентации знаний о мире с позиций когнитивной лингвистики являются концепты. Они возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения о реальном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и о возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира. Понятие «концепт» в настоящее время не имеет однозначной трактовки. Приведем некоторые, непосредственно связанные с нашим исследованием:

- «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Это содержательная оперативная единица памяти, менталь-

ного лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с. 90];

- «это своеобразные кванты получаемой вследствие опыта информации» [8, с. 8];
- «ментальная, культуруносная сущность, отражающая какой-то фрагмент концептуального мира и либо вербализованная в языке, либо представленная ментальными репрезентациями другого типа — образами, картинками, схемами и т. п.» [9, с. 139];
- «познавательная психическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» [16, с. 23];
- «обобщенно-целостная мыслительная единица, которая кодирует в самых различных конфигурациях культурно значимые смыслы» [1, с. 225–226].

Нам близко определение Г. В. Токарева, который определяет концепт как «глобальную, многомерную единицу ментального уровня и характеризует его следующими признаками: исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологием, стереотипов; неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального; разнообразие типов знаковых репрезентаций» [13, с. 8]. Именно поэтому в современных исследованиях знания, репрезентируемые лексическими единицами, рассматриваются не как хаотичное нагромождение информации, а в виде логически организованных структур.

В концептосфере каждого этноса выделяются концепты, которые более устойчивы и значимы для национальной культуры — ключевые концепты (константы). Это основные единицы картины мира, которые проецируются не только на личность, но и на лингвокультурное общество в целом. Описание личности невозможно без неотъемлемой, сложной, объемной, многоэлементной системы языка. Язык и личность образуют «полимерную многоатомную молекулу», которая заряжается через окружающий мир, через культуру, формируя идеологию, мировоззрение, менталитет и национальный характер человека. Совершенно определено, что «невозможно отобразить человека без языка и изобретающего себе язык. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека. Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект» [3, с. 293].

Русская лингвокультура «пропитана» такими концептам, как «душа», «истина», «родная земля», «вера», «любовь», «тоска», «судьба», «воля» и т. д. Эти и подобные концепты в значительной мере определяют «портрет» и ценностные особенности русского народа. Ограничиваясь рамками статьи, мы не можем представить описание вербализации всех вышеназванных концептов, а сделаем обобщенный экскурс по ключевым, на наш взгляд, концептам русской лингвокультуры: «душа» и «судьба» [12].

Загадка феномена русской культурной матрицы может быть разгадана в процессе исследование способов репрезентации концепта «душа». Закрепляя за «этой ненаблюдаемой сущностью вполне конкретные, ощущаемые или, по крайней мере, мыслимые свойства» [7, с. 145], исследователи создают модели русской языковой и концептуальной картины мира. Поэтому не случайно в коллективном сознании русского народа совершенно особый статус имеют категории «широта», «открытость», «величие», «загадочность» души.

В словаре русского языка «душа» определяется как: 1. Внутренний психический мир человека; его переживания, настроения, чувства и т. п. // В идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов. // По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом. 2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека. // Чувство, воодушевление, темперамент. // О хорошем, чутком, отзывчивом человеке. 3. Человек (обычно при указании количества). 4. Дружеское фамильярное обращение. 5. Самое основное, главное, суть чего-либо. // Вдохновитель чего-либо, руководитель, организатор [2, с. 456–457].

С точки зрения С. А. Токарева «душа» является религиозно-мифологическое представлением, которое возникает на основе олицетворения жизненных процессов человеческого организма. «Понятие души как бессмертной нематериальной части человеческого существа, сложившееся у европейских народов под влиянием христианского вероучения, является плодом длительной и сложной дистилляции гораздо более смутных и элементарных мифологических представлений» [14, с. 414].

При рассмотрении идиоматических, пословичных и фразеологических выражений концепт «душа» реализуется в различных лексических сочетаемостях для обозначения:

а) переживаний, чувств, эмоций человека: «душа надрывается (болит)», «душа горит, пылает», «душа уходит (ушла) в пятки», «запасть в душу», «обнажать (раскрывать, распахивать) душу», «надирать душу», «болеть душой»; «разрывать (раздирать) душу (на части)», «крик души» и др. [15, с. 146]. Это значение наиболее ярко выражено в поэзии русских поэтов: «Моей души коснулась ты — / Она тревожна, как листы, / Она, как гусли, многострунна <...>» (А. Толстой, «Моей души коснулась ты»); «Твоей душе покорность невозможна, / Она болит и рвется на простор <...>» (А. Толстой, «О, не пытайся дух унять тревожный»); «Я вас любил: любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем <...>» (А. С. Пушкин, «Я вас любил»); «Нет дня, чтобы душа не ныла <...>» (Ф. И. Тютчев, «Нет дня, чтобы душа не ныла»); «Душа, увы, не выстрадает счастья, / Но может выстрадать себя... / Душа, душа, которая всецело / Одной заветной отдалась любви / И ей одной дышала и болела <...>» (Ф. И. Тютчев, «Когда на то нет божьего согласия...»).

в) поведения человека с положительным и отрицательным коннотативным оттенком: «с душой», «от (всей) души» «всей душой», «за милую душу»; «кривить душой», «плевать в душу»;

г) таинства внутреннего мира человека: «чужая душа — потемки», «в чужую душу не влезешь», «чужая душа — темный лес» [5, с. 223]

В русской языковой картине мира душа участвует также и в материальной сфере («ни копейки за душой»); в сфере межличностных отношений («жить душа в душу»); в религиозном мире («отдать Богу душу»; «взять грех на душу»; «отпустить душу на покаяние»); определяет физические особенности человека («еле-еле душа в теле»; «в чем душа держится»), обладает воспитательной функцией («душа обязана трудиться», «не оскверни свою душу, сынок») и т. д. Этот список далеко неполный, это говорит о том, что концепт «душа» относится к одному из ключевых концептов русской картины мира. Представления о «русской душе» противоречивы, неоднозначны, нелогичны, находят отражение в языке, формируя картину русского мира, своеобразную коллективную философию, являясь неотъемлемой частью культурной матрицы.

Концепт «душа» определяет следующие матричные характеристики русской личности: эмоциональность, духовность, коммуникабельность, религиозность.

С точки зрения семиотической важности для русской культуры в одном ряду с концептом «душа» позиционируется концепт «судьба». Историко-этимологический словарь определяет судьбу как «долю», «участь»; как *«историю существования кого-чего-л.»*; как *«будущее, то, что случится, произойдет»*. В коллективном языковом сознании русского человека активно функционируют синонимы слова «судьба»: рок, фортуна, участь, удел, доля, недоля, жребий [17, с. 216].

В русской картине мира судьба предопределена, предначертана человеку: *«от своей судьбы не уйдешь»*, *«покориться судьбе»*, *«по иронии судьбы»*, *«судьба играет человеком»*, *«на произвол судьбы»*, *«судьба выпала, досталась»*. Фразеологизмы и словосочетания, репрезентируемые рассматриваемый концепт, могут передавать другие денотативные значения: *«переносить испытания судьбы»*, *«искушать судьбу»*, *«удары судьбы»*, *«капризы судьбы»*, *«игра судьбы»*, *«какими судьбами»*, *«устроить свою судьбу»*, *«проклинать (благодарить) свою судьбу»*, *«не судьба»* и пр. Ценностные и культурные ориентации нации, ее религиозные установки, ментальные и поведенческие стереотипы характеризует множество эпитетов, связанных с судьбой. В таком тандеме судьба видится живым существом с позитивными и негативными чертами характера. Она может быть *счастливой, великой, благоволительной (устар.), благодатной, благосклонной, благословенной (устар.), блистательной, большой, высокой, гордой, дивной, доброй, изумительной, красивой, милосердной, прекрасной, светлой, счастливой, удивительной, хорошей* — и в то же время душа — *несчастливая, обидная, печальная, превратная, роковая, скитальческая, страшная, суровая, трагическая, тревожная, трудная, тяжелая, тяжкая, ужасная, унылая*. Лексема «душа» имплицитно и негативную семантику: *бедственная, безжалостная, безотрадная, бесславная, беспощадная, гибельная, гнетущая, горестная, горькая, грозная, драматическая, жалкая, жестокая, завистливая, злая, злоеющая, коварная, крутая, лихая (просторен.), лютая (разг.)* [10].

Если говорить о дополнительных характеристиках русской коллективной личности, «определенных судьбой», то речь идет об особой эмоциональности, которая является одной из центральных черт коммуникативного поведения русофонов. Как отмечают исследователи, речь идет об акценте «на чувствах, и на их свободном изъяснении, <...> богатстве языковых способов выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [4, с. 13]. Вопрос о сущности и роли эмоций для человека обширен и интересен. Их основная функция — «отражательная: реальные факты и события проецируются в человеческое сознание, вызывая тем самым эмоциональные переживания» [11, с. 100–102], тем самым оказывают воздействие на поведение человека. Переживания и проявления отдельных эмоций пронизывают человеческую систему представлений о мире. Данная тематика представляет интерес в плане перспектив изучения эмоциональных концептов русского мира.

Таким образом, анализ способов вербализации национальных ключевых концептов может рассматриваться как одна из приоритетных методик когнитивной реконструкции коллективной языковой личности этноса. При этом ценностные национальные приоритеты существенным образом воздействуют на специфику менталитета и коммуникативное поведение. Каждый концепт имеет не только конкретные способы реализации, но в целом формирует лингвокогнитивную и коммуникативную матрицу русской этнокультуры, определяющими составляющими которой являются: «эмоцио-

нальность», «коммуникабельность», «религиозность», «перцептивность», «определенность — нестабильность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
- 2 *Бархударов С. Г.* Словарь Русского Языка: в 4 т. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. Т. 1. XVI. 964 с.
- 3 *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
- 4 *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XII. 780 с.
- 5 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 3. Гор-Зак. 368 с.
- 6 Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1995. 245 с.
- 7 *Михеев М.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. М.: Язык русской культуры, 1999. С. 145–158.
- 8 *Романцова Л. М.* Концептуализация процессуального изменения релятивными глаголами современного немецкого языка: автореф. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 160 с.
- 9 *Самигуллина А. С.* Концепт уменьшительности: реальность или фикция // Теория поля в современном языкознании. Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. С. 137–146.
- 10 Словарь эпитетов. URL: <https://epithet.slovaronline.com> (дата обращения: 17.04.2017).
- 11 *Сеченов И. М.* Психология поведения. М.; Воронеж: Изд-во ИПП, 1995. 320 с.
- 12 *Седых А. П.* Русско-французский словарь: профессиональная и обыденная коммуникация. М.: Флинта: Наука, 2010. 168 с.
- 13 *Токарев Г. В.* Дискурсивные лики концепта. Тула: Изд-во ТГПУ, 2004. 108 с.
- 14 *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- 15 Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.
- 16 *Холодная М. А.* Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, Изд-во ТГУ, 1983. 190 с.
- 17 *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1993. Т. 1: А-Пантомима. 623 с.

© 2019. Lyudmila M. Buzinova
Moscow, Russia

THE CONCEPTS “SOUL” AND “FATE” IN RUSSIAN LINGVOCULTURE

Abstract: This paper explores cognitive potential of the language sign in representing the concepts “soul” and “fate” within the language culture of russophony. The relevance of the research topic is determined by the rapid development of anthropocentrism and

cognitive trend in modern linguistics, aimed at studying linguistic picture of the world, constituted by verbalized concepts. The study, examining methods of phraseological, literary verbalization of the concepts “soul” and “fate”, suggests that the analysis of mechanisms of anthropological verbalization of these concepts at different levels of discursive realization will reveal additional essential characteristics of the Russian conceptual sphere in the ethno-cultural aspect. Study material includes lexical units, qualified by a single semantic component, which were selected from lexicographic sources, and during analysis partially enriched by examples of their use from the original works of contemporary Russian fiction. The analysis resulted in the author's defining of the term “concept”; identifying of the pronounced national and cultural specifics of concepts under study; distinguishing main characteristics of the Russian ethno-culture, with following key components: “emotionality”, “sociability”, “religiousness”, “perceptivity”, “certainty — instability”. The concepts considered affect the nation's values and cultural orientations, its religious attitudes, mental and behavioral stereotypes. The paper suggests the possibility of further studies on the basis of other conceptual and lexical categories of vocabulary. The results obtained can be used in cultural studies, teaching courses in lexicology and intercultural communication of the modern German language, in compiling educational and methodological developments and in research on the theory of modern Russian language.

Keywords: concept, conceptsphere, conceptual signs, mentality, national character.

Information about author: Lyudmila M. Buzinova — PhD in Philology, Associate Professor, International University Moscow, Leningradsky blvd. 17, 125040 Moscow, Russia. E-mail: rluda@mail.ru

Received: January 15, 2018

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Buzinova L. M. The concepts “soul” and “fate” in Russian lingvoculture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 65–72. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Alefirenko N. F. *Poeticheskaja energija slova. Sinergetika iazyka, soznaniia i kul'tury* [Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture]. Moscow, Academia Publ., 2002. 394 p. (In Russian)
- 2 Barkhudarov S. G. *Slovar' Russkogo Iazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1957. Vol. 1: XVI. 964 p. (In Russian)
- 3 Benvenist E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 447 p. (In Russian)
- 4 Vezhbitskaia A. *Semanticheskie universalii i opisanie iazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ, 1999. I–XII. 780 p. (In Russian)
- 5 Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 12 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 12 vols.] Moscow, Mir knigi Publ., 2003. Vol. 3: Gor-Zak. 368 p. (In Russian)
- 6 *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* [A short dictionary of cognitive terms], edited by E. S. Kubriakova. Moscow, Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 1995. 245 p. (In Russian)

- 7 Mikheev M. Otrazhenie slova “dusha” v naivnoi mifologii russkogo iazyka (opyt razmytogo opisaniia obraznoi konnotativnoi semantiki) [The reflection of the word “soul” in the naive mythology of the Russian language (experience of blurred imaginative descriptions and connotative semantics)]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury: sbornik statei* [Phraseology in the context of culture: collection of articles]. Moscow, Iazyk russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 145–158. (In Russian)
- 8 Romantsova L. M. *Kontseptualizatsiia protsessual'nogo izmeneniia relativnymi glagolami sovremennogo nemetskogo iazyka* [Conceptualization of procedural changes in relational verbs of the modern German language: PhD thesis, summary]. Belgorod, 2005. 160 p. (In Russian)
- 9 Samigullina A. S. Kontsept umen'shitel'nosti: real'nost' ili fiktsiia [The concept of diminution: reality or fiction]. *Teoriia polia v sovremennom iazykoznanii* [Field Theory in modern linguistics]. Ufa, Izdatel'stvo BashGU Publ., 2002, pp. 137–146. (In Russian)
- 10 *Slovar' epitetov* [Dictionary of epithets]. Available at: <https://epithet.slovaronline.com> (accessed 17 April 2017). (In Russian)
- 11 Sechenov I. M. *Psikhologiya povedeniia* [Psychology of behavior]. Moscow, Voronezh, Izdatel'stvo IPP Publ., 1995. 320 p. (In Russian)
- 12 Sedykh A. P. *Russko-frantsuzskii slovar': professional'naia i obydennaia kommunikatsiia* [Russian-French dictionary: professional and everyday communication]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 168 p. (In Russian)
- 13 Tokarev G. V. *Diskursivnye liki kontsepta* [Discursive faces of concept]. Tula, Izdatel'stvo TGPU Publ., 2004. 108 p. (In Russian)
- 14 Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 622 p. (In Russian)
- 15 *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language], compiled by L. A. Voinova and other; edited and afterword by A. I. Molotkov. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2006. 524 p. (In Russian)
- 16 Kholodnaia M. A. *Integral'nye struktury poniatiinogo myshleniia* [Integral structures of conceptual thinking]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU Publ., 1983. 190 p. (In Russian)
- 17 Chernykh P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Historical and etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1993. Vol. 1: A-Pantomima [A-Pantomime]. 623 p. (In Russian)